

| Прощение долгов

как основная идея личного банкротства

Эпиграфом к первой главе вполне могли бы стать слова талантливого американского антрополога Дэвида Гребера: «Мне кажется, что нам давно необходимо что-то вроде отпущения грехов в библейском духе, которое затронет как международные долги, так и потребительские. Это будет благотворно не только потому, что облегчит страдания множества людей, но и потому, что напомним нам, что деньги не священны, что нравственность не основана на выплате долгов, что всё это лишь человеческие установления и что если демократия что-то и означает, то в первую очередь способность всё устроить по-другому».

Непримиримый учёный в своём знаменитом труде под названием «Долг: первые 5000 лет истории» развенчал миф о меновой торговле, посетовал на проблему всеобщей перекредитованности, а также раскритиковал международные финансовые организации и правительства, которые разрушают социальные структуры, «выбивая» деньги из своих должников под прикрытием морали. Однако по каким-то причинам Гребер обошёл вниманием тот факт, что механизм системного освобождения людей от финансовых обязательств (проще говоря, механизм списания долгов) появился уже очень давно. И чем быстрее, технологичнее и агрессивнее становились методы кредитования, тем более быстрыми, технологичными и массовыми становились практики «финансового прощения», эволюционной вершиной которых стало современное потребительское банкротство.

Институт личного банкротства можно рассматривать в качестве своеобразного вида социального страхования, когда большинство населения «переплачивает» в рамках кредитов и налогов за то, чтобы при возникновении необходимости сограждане могли избавиться от непосильной долговой нагрузки. Таким образом, банкротство балансирует систему, предотвращая социальные взрывы. Чтобы понять, как развились эти важнейшие механизмы, давайте обратимся к исторической ретроспективе.

Древний Восток

В долине рек Тигр и Евфрат, на территории Южной Месопотамии, зародилась одна из древнейших цивилизаций в истории человечества. В Шумере возникли письменность, ирригационные сооружения, сельскохозяйственные орудия, а также древнейшие города-государства, центром которых служили храмы, представлявшие собой гигантские производственные комплексы. И хотя в настоящее время неизвестно точное время возникновения процентных ссуд, есть основания полагать, что именно шумерские храмовые управители ввели практику финансирования торговли с другими регионами под определённый процент.

Около 2400 года до н. э. в среде местных чиновников и состоятельных купцов возникла практика предоставления ссуд под залог крестьянам, столкнувшимся с финансовыми затруднениями, и присвоения их собственности в случае, если они не могли вернуть долг. Как правило, всё начиналось с зерна, овец, коз и мебели, потом в дело шли поля и дома или же члены семьи [7]. В то же время большинство личных долгов всё-таки не были результатом фактических займов, а являлись неоплаченными сельскохозяйственными сборами, налогами и связанными с ними обязательствами перед храмовыми чиновниками.

Так или иначе, долговое бремя, которое несли жители, приводило к серьёзным негативным последствиям для общества.

Во-первых, разрушались семьи, что было чревато демографическими проблемами. В-вторых, крестьяне, спасаясь от долгового рабства, зачастую пополняли состав кочевых банд, а это вело к увеличению преступности и уменьшению количества налогоплательщиков. В-третьих, потеря земли лишала крестьян мотивации к защите территории, на которой они проживали, что делало общество более уязвимым с точки зрения завоевания внешними врагами.

Вот почему начиная с 2400 г. до н. э. шумерские правители регулярно устраивали освобождение от долгов, тем самым восстанавливая платёжеспособность населения: долги списывались, а земли возвращались бывшим долговым рабам, которые воссоединялись с семьями.

Формальными поводами для издания эдиктов о долговой амнистии обычно служили восхождение на трон, окончание войны или постройка храма. Такие эдикты назывались провозглашением свободы, при этом шумерское слово *amargi* — первое в истории записанное слово, обозначавшее свободу, — дословно переводится как «возвращение к матери», поскольку именно это позволялось сделать освобождённым долговым рабам [7].

Нужно отметить, что традиция списания долгов практиковалась не только в Шумере, но также позднее в Вавилоне, Ассирии, Египте, а иудаизм заимствовал данную практику, поместив её в центр закона Моисея.

Ветхий Завет

Глава 15 Второзакония гласит: «В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа [Бога твоего]».

В «Библейской энциклопедии Брокгауза» указано: «Господь предписал в Законе, чтобы израильтяне обрабатывали

свою землю шесть лет подряд, а на седьмой давали ей отдохнуть. Тогда земля должна была праздновать субботу своему Господу, то есть и земля участвовала в Божьем покое... В седьмой (субботний) год израильтянин должен был простить долг своему соотечественнику, но не иноземцу (Втор. 15:1–11), в связи с чем этот год называли также годом отпущения (шенат хашемитта, Втор. 15:1; Втор. 31:10), который, однако, нельзя путать с юбилейным годом (шенат хай-овель)» [13]. Таким образом, год отдыха для земли являлся также отдыхом и для должника. При этом богословы расходились во мнении, освобождались ли должники от обязательств полностью или просто действовал своеобразный мораторий на взыскание в течение года.

Например, профессор Александр Павлович Лопухин указывает, что «Михаэлис, Зальшюц, Олер, Пасторет, Винер, Смит и др. понимают приведённые слова в том смысле, что „прощение“ состояло не в абсолютном прекращении права заимодавца требовать с должника данную ему займы сумму, а только в прекращении этого права в продолжение седьмого года, после которого заимодавец опять входил в свои права и опять мог требовать с должника занятую ему сумму. В самом названии этого года — Schemittah, — говорит Зальшюц, — не заключается понятия полного прощения долгов, а только оставления на некоторое время права взыскания их. Особенно замечательно, — добавляет он, — в этом отношении то, что глагол *schatat* — „оставлять“ — относится не к долгу, а к руке, требующей долг. В смысле временного оставления *schemittah* употребляется и в отношении земли, когда говорится об оставлении её без обработки в седьмой год» [18].

В то же время сам Лопухин придерживался противоположного мнения, считая, что другие положения главы 15 Второзакония наглядно свидетельствуют о необходимости абсолютного прощения долгов: «Если будет у тебя нищий кто-нибудь из братьев твоих, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой

ему руку свою и дай ему займы, смотря по его нужде, в чём он нуждается. Берегись, чтобы не вошла в сердце твоё незаконная мысль: приближается седьмой год, год прощения, и чтобы от того глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо он возопиет к Господу, и будет на тебе великий грех».

Отдельно следует упомянуть, что существовали нормы для так называемого юбилейного года (наступал после семи субботних годов, то есть на пятидесятый год), также направленные на облегчение участи малоимущих слоёв населения. В первую очередь речь шла о возвращении беднякам в юбилейный год земли даже при отсутствии возможности её выкупить (Лев. 25:24–28). Кроме того, предписывалось освобождать рабов-евреев, а также запрещалось взимать с нуждающегося проценты со ссужаемого капитала и всякого роста с долгов натурой.

Конечно, провозглашение субботних и юбилейных годов само по себе не означало автоматического исполнения положений закона Моисея. В эпоху Второго Храма продолжали развиваться торговля и производство, соответственно, должно было совершенствоваться и кредитование, а для этого необходимо было преодолеть «неудобные» положения о систематическом списании долгов. Вот почему Гиллелем Старшим¹ была введена в действие юридическая фикция под названием просбол (прозбул).

Формально догматические правила о списании долгов, конечно, не отменялись, однако им давалась расширенная интерпретация, гласящая, что прощению подлежат лишь частные долги, но не долги перед судом. Соответственно, кредиторы использовали такое толкование в свою пользу и составляли письменный документ (просбол), в котором передавали долг для взыскания судьям. В действительности же, конечно, документ лишь подписывался судьями, но кредитор взыскивал долг самостоятельно.

1 Раввин, наиболее значительный законоучитель эпохи Второго Храма, основатель фарисейской школы.

Дополнительным требованием являлось написание просбола «в опоре на землю», то есть должнику надлежало обладать каким-либо недвижимым имуществом, причём последнее не обязательно должно было быть эквивалентно сумме долга: достаточно и малого клочка земли, на котором можно вырастить кочан капусты [20]. Очевидно, за счёт этого требования делалась попытка придать просболу характер ипотеки.

Таким образом, несмотря на важное экономическое и религиозно-нравственное значение долговых амнистий, игравших большую роль в снижении уровня социальной напряжённости и поддержании платёжеспособности населения, с активным развитием института частного кредитования канонические традиции периодической ликвидации обязательств постепенно слабели.

Новый Завет

Евангелие от Луки описывает проповедь Иисуса Христа в синагоге Назарета, во время которой Иисус объявил, что Господь направил его «благовествовать нищим... исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым — прозрение, отпустить измученных на свободу», а также «проповедовать лето Господне благоприятное» (Лук. 4: 16–19).

Если с дарованием свободы всё более или менее понятно, то возникает вопрос, что именно подразумевалось под «летом Господним благоприятным». Богословы сходятся во мнении, что в данном случае речь идёт о том самом юбилейном годе, который в народе считался праздничным ввиду даруемых в это время привилегий [18; 19]; проще говоря, Иисус проповедовал всё ту же традицию долговой амнистии.

Данный вывод подтверждается главой 6 Евангелия от Матфея, в которой сказано: «...и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф. 6:12), а также главой 11 Евангелия от Луки: «...и прости нам грехи наши, ибо

и мы прощаем всякому должнику нашему» (Лук. 11:4). И в том и в другом случае речь идёт о недвусмысленном указании на системное освобождение должников от обязательств.

Нельзя не упомянуть и главу 18 Евангелия от Матфея, где повествуется о царе, простившем долг своему рабу. Во-первых, примечательно, что царь простил долг полностью, несмотря на то, что раб просил лишь об отсрочке платежа. Во-вторых, интересно, что была прощена колоссальная сумма в 10 тыс. талантов (более триллиона рублей по нынешнему курсу), то есть сумма, которая не могла быть выплачена априори. Прощение такой задолженности как нельзя лучше иллюстрирует подход, ранее действовавший на Древнем Ближнем Востоке: то, что не может быть выплачено, не должно выплачиваться¹.

Однако вышеупомянутая проповедь Иисуса к моменту описываемых событий могла считаться практически революционной, поскольку интересы частных кредиторов в Римской империи существенно превалировали не только над интересами должников, но и зачастую над интересами правителей.

Древний Рим

Экономические излишки, которые образовывались у населения, постепенно стали сосредотачиваться в руках крупных землевладельцев, сконцентрировавших под своим контролем большое количество земель. Расслоение общества усиливалось, долговое бремя возрастало.

Профессор экономики Майкл Хадсон отмечает: «Целью кредиторов являлась замена обычного права граждан на независимость противоположным принципом — правом кредиторов забрать заложенные имущество и средства к существованию (или скупить их по заниженным ценам), а также сделать эти трансферы необратимыми. Безопасность мелких

1 Этот принцип был применим не только к долгам потребителей, но и к коммерческим. Так, по Законам Хаммурапи в случае убытка в результате нападения врагов шамаллумы (странствующие торговцы) освобождаются от обязательств (§ 103).

собственников заменялась священностью долга вместо его периодической отмены» [27].

Неудивительно, что во времена Республики долговых амнистий не существовало, хотя некоторые меры для сдерживания темпов роста долговой нагрузки населения всё же принимались. Так, *Законы двенадцати таблиц* предусматривали не только разрубание должника на части, а также долговое рабство, но и устанавливали максимальную ставку кредитования — не более 1 % в месяц. Периодически указанная ставка то понижалась (например, в 347 году до н. э. предельный размер ставки был снижен вдвое), то повышалась, однако любые более серьёзные инициативы, предполагающие освобождение от обязательств, контроль за оборотом земельных участков и кредитованием, блокировались. Достаточно вспомнить земельные реформы Тиберия и Гая Гракхов, которые пытались остановить обнищание населения и наделить беднейших крестьян землёй, но в результате были убиты, или неудавшийся заговор Катилины, одним из ключевых лозунгов которого была отмена долгов. До наступления имперского периода, пожалуй, единственным серьёзным успехом для должников стала отмена в 326 году до н. э. института долгового рабства (*nexum*).

В 119 году император Адриан провёл масштабную налоговую амнистию, показательно уничтожив в огне документы, касающиеся задолженностей по налогам. В 178 году то же самое сделал Марк Аврелий. После падения Западной Римской империи к подобной практике изредка прибегали и правители Византии: например, в 578–582 годах налоговые долги списал Тиберий II, в 797–802 годах его примеру последовала византийская императрица Ирина, а в 1025 году император Василий II на два года отказался от налогов на землю и очаг.

Таким образом, именно облегчение налогового бремени было ключевым инструментом для помощи закредитованному и экономически ослабленному населению в Римской империи, поскольку прощение иных долгов стало, по сути, политически невозможным.